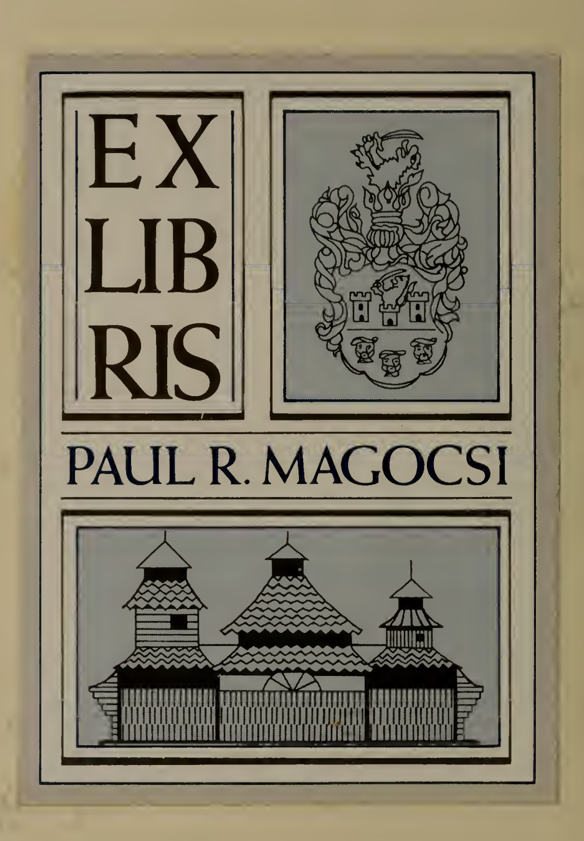

73. I. 12

EX
LIB
RIS
PAUL R. MAGOCSI

ОЧЕРКЪ
ЛИТЕРАТУРНАГО ДВИЖЕНІЯ
УГОРСКИХЪ РУССКИХЪ.

ПЕТРЪ ФЕЕРЧАКЪ.

ОДЕССА.
Типографія П. Францова, Пушкинская ул., № 20.
1888.

Дозволено цензурою. Одесса, 21-го Мая 1888 года.

ОЧЕРКЪ

литературнаго движенія угорскихъ русскихъ. *)

ИСТОЧНИКИ и МАТЕРІАЛЫ:

Brevis notitia fundationis Theodori Koriatovits autore Joannicio Basilovits. Cassoviae, 1799, 1804.

Grammatica Slavo-Ruthena edita per Michaelem Lutskay. Budae 1830.

Исторія церковная новаго завѣта, писалъ Андрей Балудьянскій въ Віеннѣ 1851, 1852.

Rede des ungarischen Landtags-Abgeordneten Ad. R. von Dobrzanśky. Wien 1861.

Die ungarischen Ruthenen. Biderman. Jnsbruck. 1867.

Историческія черты угро-русскихъ, сост. и издалъ Іоаннъ Дулишковичъ. Унгваръ. 1875—1877.

Русская читанка для высшей гимназіи сост. А. Тороньскимъ. III, Львовъ 1868.

Русская книга для чтенія Ивана Гашпара, переводъ Е. А. Фенцика. Будинъ. 1870.

Народныя пѣсни Гадицкой и Угорской Руси собр. Я. Ѳ. Головацкимъ М. 1878.

Движеніе народной жизни въ Угорской Руси. Москва, Бесѣда VI и VII 1871.

ПЕРІОДИЧИСКІЯ ИЗДАНІЯ:

Мѣсяцесловъ 1864, 1865, 1866, 1867, 1868, 1869. Свѣтъ 1867—1871. Сова 1871. Новый Свѣтъ 1872. Карпатъ 1873—1886.

Угро-русскій Листокъ за 1887 и 1888 года.

Рукописныя записки Александра Духновича, хранящіяся въ Пряшевѣ и въ краснобродскомъ монастырѣ.

---

*) Южно-руссы, живущіе въ Венгріи, называютъ себя русинами, руснаками, карпато-россами и угорскими русскими.

Въ сѣверной Венгріи живетъ около полумилліона южнорусскаго народа, который во многихъ отношеніяхъ составляетъ terra incognita. Есть статьи по этнографіи, церковнополичической жизни Угорской Руси, но о литературномъ движеніи угорскихъ русскихъ, насколько извѣстно, не встрѣчается болѣе или менѣе полныхъ свѣдѣній не только въ русской, но также и въ иностранныхъ литературахъ.

Говоря о литературномъ движеніи угорскихъ русскихъ, мы не имѣемъ въ виду литературу въ строгомъ смыслѣ слова, (таковой собственно у нихъ не существуетъ); нашъ трудъ скорѣе будетъ касаться попытокъ лучшихъ дѣятелей у угорскихъ русскихъ-отстоять національность горсти русскаго народа, заброшеннаго за Карпаты, путемъ образованія литературнаго языка

I.

О духовной жизни угорско-русскаго народа до XIV столѣтія очень мало извѣстно. До этого времени они жили общей западно-русской жизнью: изъ Галиціи и Юго-западной Руси вызывались священники, изъ Львова и Кіева назначались епископы. Первый толчекъ къ возникновенію церковно-духовнаго центра въ Угорской Руси далъ литовскій князь Ѳеодоръ Коріятовичъ, въ высшей степени интересная историческая личность. Коріятовичъ былъ внукомъ литовскаго великаго князя Гедимина, отъ котораго, кромѣ своего удѣла, литовскаго Новгорода, получилъ еще Подолію. Изъ за послѣдней между нимъ и дядей его Ольгердомъ возникъ споръ. Тѣснимый Ольгердомъ, Коріятовичъ заключилъ съ венгерскимъ королемъ Людовикомъ договоръ (въ 1354 г.), по которому онъ уступалъ ему свои права на Подолію и получилъ взамѣнъ того маковицкое и мункачевское помѣстья въ Венгріи, съ замкомъ Мункачево и титуломъ «Dux de Mun-

kach» (князь мукачевскій). *Тотчасъ послѣ своего переселенія въ Венгрію (въ 1360 г.), Коріятовичъ основалъ монастырь на чернецкой горѣ возлѣ Мункачева, который сдѣлался точкой опоры духовнаго движенія и организаціи угорско-русской церкви, о судьбѣ которой, до основанія чернецкаго монастыря, почти ничего неизвѣстно.*

Не смотря на свое короткое пребываніе въ Венгріи, князь Коріятовичъ сдѣлался своего рода «краснымъ солнышкомъ» для Угорской Руси; по крайней мѣрѣ, съ его именемъ связано много историческихъ воспоминаній. Преданіе, между прочимъ, приписываетъ ему и переселеніе 40,000 южно-руссовъ въ Венгрію.

Какъ только возникла организація церковно-духовной жизни угорскихъ русскихъ, началось противодѣйствіе со стороны католиковъ и реформатовъ, употреблявшихъ всѣ усилія, чтобы подчинить себѣ еще не сформировавшійся угорско-русскій народъ, заселившій сѣверную Венгрію, главнымъ образомъ, колонизаціоннымъ путемъ. Въ Мункачевѣ и Унгварѣ, а также и въ другихъ мѣстностяхъ Угорской Руси возникли іезуитскія миссіи, задавшіяся цѣлью пропагандировать унію между православными угорскими русскими. Трудно было устоять угорскому-русскому духовенству, находившемуся на низкой степени умственнаго развитія и закабаленному, наравнѣ съ крестьянами, крѣпостнымъ правомъ. Іезуиты обѣщали православнымъ священникамъ, что они, въ случаѣ принятія уніи, будутъ пользоваться такими же правами, какъ и ихъ католическіе собраты. Съ другой стороны, и мадьярскіе реформаты старались привлечь на свою сторону угорскихъ русскихъ. Когда между австрійскими императорами и реформатскими князьями Трансильваніи возникъ кровавый споръ изъ-за сѣверо-восточныхъ областей Венгріи, за-

селенныхъ, преимущественно русскими, то мункачевскіе епископы очутились въ щекотливомъ положеніи. Русскій народъ, живущій около Тиссы, въ сосѣдствѣ съ мадьярами, рѣшительно сочувствовалъ демократическому движенію, во главѣ котораго стояли трансильванскіе князья, какъ видно, между прочимъ, изъ того, что въ 1703 году населеніе притисской области, выведенное изъ терпѣнія взиманіемъ большихъ налоговъ, послало русскаго священника Папа въ Польшу, чтобы призвать обратно скитавшагося тамъ князя Ракоци. Трансильванскіе князья покровительственно относились къ православнымъ русскимъ епископамъ, видя въ нихъ естественныхъ союзниковъ противъ ненавистныхъ имъ католиковъ. Князь Бетленъ далъ епископу Іоанну Грегоровичу (1627—1633), человѣку весьма образованному, право устраивать школы и назначать въ нихъ учителей и профессоровъ славянскаго, русскаго, греческаго, латинскаго и другихъ языковъ. *) Но Григоровичъ не воспользовался этимъ правомъ.

Хорошія отношенія между трансильванскими князьями и мункачевскими епископами прекратились при епископѣ Василіи Тарасовичѣ (1634—1648). Князь Ракоци возненавидѣлъ Тарасовича за его наклонность къ уніи и приверженность къ императору Фердинанду. Онъ велѣлъ арестовать его во время богослуженія, облаченнаго въ ризы, и освободилъ только по заступничеству императора Фердинанда, и то только подъ слѣдующими характерными условіями. Тарасовичъ обязался не передавать доходовъ чернецкаго монастыря въ Галицію, *не держать при себѣ «польскихъ» воспитанниковъ, т. е. молодыхъ людей, пріѣзжавшихъ изъ Юго-западной Руси и довершавшихъ свое образованіе при мункачевскомъ архіерейскомъ домѣ, при которомъ суще-*

*) Notita fundationis Koriatovits Pars I. pag. 52.

ствовало нѣчто въ родѣ богословской школы; кромѣ того, Тарасовичу вмѣнялось въ обязанность имѣть при себѣ только двухъ или трехъ ученыхъ богослововъ, и то изъ русскихъ или валаховъ въ томъ только случаѣ, если *не найдутся мадьяры.* *) Изъ этого знаменательнаго факта видно, что мадьярскіе патріоты инстинктивно усматривали въ выходцахъ изъ Юго-западной Руси своихъ естественныхъ антагонистовъ и что русскіе епископы, чтобы дать отпоръ мадьяризаторскимъ стремленіямъ, примкнули къ австрійскимъ императорамъ. Что же касается самого народа, то часть его, живущая въ сосѣдствѣ съ мадьярами и нѣсколько омадьяренная, какъ мы уже сказали, сочувствовала мадьярскому движенію; большинство же, населявшее гористыя мѣстности, поддерживало своихъ епископовъ.

Послѣ подавленія мадьярскаго реформатскаго движенія, православіе у угорскихъ русскихъ не долго продержалось: *въ 1649 г. православное угорско-русское духовенство приняло унію.* Унія освободила священниковъ отъ крѣпостного права и доставила имъ нѣкоторыя матеріальныя выгоды, но она оторвала ихъ отъ народа. Католическая іерархія смотрѣла на унію только какъ на «золотой мостъ» къ католичеству. Сосѣдніе католическіе епископы, особенно ягерскій, старались совершенно подчинить себѣ мункачевскихъ уніатскихъ епископовъ. Положеніе послѣднихъ стало до такой степени унизительнымъ, что, при епископѣ Мануилѣ Ольшавскомъ, въ мункачевской консисторіи предсѣдательствовалъ не уніатскій епископъ, а мункачевскій католическій священникъ Страбо. По примѣру своихъ епископовъ, и католическіе священники также притѣсняли своихъ уніатскихъ собратовъ: они стали смотрѣть на нихъ, какъ на своихъ помощниковъ, и оспаривали у

*) Историческія черты угро-русскихъ І. Дулишковича II, 93.

нихъ даже доходы за церковныя требы. Борьба между уніатскимъ и католическимъ духовенствомъ продолжалась болѣе одного столѣтія, и угорскіе русскіе, безъ сомнѣнія, были бы въ ней побѣждены, если бы ихъ сторону не приняла императрица Марія Терезія. Инстинктъ національнаго самосохраненія проявился у небольшаго угорско-русскаго народа съ замѣчательной силой. Ягерскіе епископы, чтобы олатинить угорско-русское духовенство, почти при помощи становыхъ приставовъ, заставляли сыновей уніатскихъ священниковъ поступать въ ягерскую католическую семинарію, изъ которой послѣдніе нерѣдко бѣжали *). Епископъ Мануилъ Ольшавскій, видя опасность, угрожающую угорско-русской церкви и національности отъ католической іерархіи, направилъ всѣ свои силы къ тому, чтобы расположить въ пользу русскихъ императрицу Марію Терезію: онъ на свой счетъ снарядилъ 37 добровольцевъ и приказалъ священникамъ и дьячкамъ жертвовать деньгами, а молодымъ людямъ изъ духовнаго сословія—поступать въ австрійское войско, боровшееся съ многочисленными врагами. Послѣдствіемъ австрійскаго патріотизма угорско-русскихъ епископовъ было то, что, не смотря на противодѣйствіе католической іерархіи и даже самого папы, въ 1773 г. *была учреждена независимая мункачевская русско-уніатская епархія*, *изъ которой впослѣдствіи выдѣлена пряшевская епархія.*

II.

Проблески литературнаго движенія у угорскихъ русскихъ стали обнаруживаться именно съ того времени, какъ они завоевали себѣ независимость церкви, хотя и цѣною

*) Въ 1770 г. бѣжали изъ ягерской семинаріи слѣдующіе 6 воспитанниковъ: Андрей Баняй, Матвѣй Градъ, Даніилъ Ггюсъ, Стефанъ Манковичъ, Лука Швигаръ и Мих. Кручай. См. Историч. черты утро-русскихъ, III. 226.

потери православія. Изъ періода до принятія уніи не уцѣлѣло никакихъ памятниковъ, кромѣ малосодержательныхъ грамотъ на западно-русскомъ языкѣ. Такъ какъ немногочисленные помѣщики русской національности скоро измѣнили своему народу, то его руководителями остались одни священники. Записки на латинскомъ языкѣ епископа Іосифа Де-Камелиса, грека по происхожденію, посланнаго Римомъ для утвержденія между угорскими русскими уніи, бросаютъ яркій свѣтъ на положеніе духовенства въ Угорской Руси въ концѣ XVII столѣтія. О селѣ Завадка епископъ пишетъ: «Все худо. Книгъ въ церкви нѣтъ, а если и имѣются какія, то только рукописныя. Село было первоначально русскимъ (православнымъ), затѣмъ оно стало лютеранскимъ, а съ 1674 года оно снова сдѣлалось русскимъ». О селѣ Порачѣ въ запискахъ говорится: «Присяжный Андрей донесъ, что мѣстный священникъ купилъ у одного солдата двухъ «чортиковъ» и постоянно носитъ ихъ за пазухой». Въ селѣ Гельцмановцахъ приходской священникъ, бывшій военный, прогналъ посланныхъ епископа и даже ранилъ одного изъ нихъ въ голову *).

Образованнымъ человѣкомъ въ Венгріи въ то время считался тотъ, кто умѣлъ по-латыни; между тѣмъ, среди угорско-русскаго духовенства, по заявленію епископа Симеона Ольшавскаго, спустя почти столѣтіе послѣ принятія уніи, *только три священника умѣли писать по-латыни.* Школъ по селамъ не существовало. Священники и дьячки обучали народъ катихизису, изданному при епископѣ Камелисѣ. Лѣтомъ это обученіе происходило въ церкви, до начала богослуженія, а зимою желающіе вступать въ бракъ посѣщали дьячка и затѣмъ, въ присутствіи священника, подвергались экзамену изъ главныхъ правилъ вѣры.

*) Историческія черты угро-русскихъ III, 23—24.

Первая болѣе или менѣе правильно организованная русская школа, богословская, была учреждена епископомъ Мануиломъ Ольшавскимъ въ серединѣ XVIII столѣтія въ городѣ Мункачевѣ. По словамъ одной записки, изъ 80 учениковъ, поступившихъ въ эту школу, едва 7 человѣкъ умѣли «держать перо въ рукахъ». Учителямъ богословской школы приходилось быть и наставниками, и авторами: въ своихъ лекціяхъ они употребляли славяно-русскій языкъ, тутъ же выковывая новые русскіе термины, обыкновенно составляющіе буквальный переводъ латинскихъ словъ. Такъ, напр., преподаватель Брадачъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи епископомъ, переводилъ: circulus—коло, circularius—колесникъ и т. д. *) Церковно-славянскій языкъ для нихъ служилъ большимъ подспорьемъ, такъ какъ они его лучше знали, чѣмъ мѣстный русскій языкъ, представляющій собою смѣсь множества говоровъ.

Это обстоятельство имѣло важныя послѣдствія для угорско-русскаго литературнаго движенія, а потому мы считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ объ угорско-русскомъ нарѣчіи. Угорско-русскій языкъ составляетъ нарѣчіе южно-русскаго; въ немъ есть, однако, много особенностей, которыми онъ отличается отъ послѣдняго. Такъ, южно-русское «у» замѣняется, какъ въ великорусскомъ, буквой «ы» (былъ вм. малорусскаго бувъ); это «ы» употребляется даже послѣ гортанныхъ. Вообще въ угорско-русскомъ языкѣ преобладаютъ твердые звуки (идъ вм. иди, будъ вм. будь). Въ угорско-русскомъ нарѣчіи сохранилось «что» вмѣсто южно-русскаго «що» и «шо». Все это нѣсколько сближаетъ угорско-русскій языкъ съ великорусскимъ и, безъ сомнѣнія, является, между прочимъ, причиной сильнаго тяготѣнія угро-россовъ къ общерусской литературѣ. Большое

*) Историческія черты угро-русскихъ III, 229.

вліяніе на угорско-русскій языкъ имѣли языки окружающихъ народовъ, словаковъ, мадьяръ и отчасти поляковъ и румынъ. Словацко-польское вліяніе отразилось на говорѣ «лемковъ» (отъ слова «лемъ» — лишь), словацко-мадьярское — на говорѣ «долишнянъ» (степняковъ); всего чище сохранилось нарѣчіе русскаго населенія бережскаго и мункачевскаго комитатовъ (округовъ), составлявшихъ нѣкогда самостоятельный автономный край подъ названіемъ «Бережской Крайны» *).

Приведемъ слѣдующую пѣсню на этомъ нарѣчіи:

Доле жъ моя, доле,
Несчастная доле!
Засіяла дивчинонька **)
Мысленьками поле.

* * *

Чорными очима
Тай заволочила,
Дрибненькими слёзеньками
Все поле зросила.

* * *

Не родится жито,
Трава зеленая;
Ужъ бо я въ пеленкахъ
Была несчастная.

* * *

Ци ти мене, мамко,
Въ церковь не носила,
Што ты мини отъ Богонька
Дольку не впросила? *)

*) Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси собр. Я. Ѳ. Головацкимъ м. 1878

**) Для сохраненія мѣстнаго колорита въ произношеніи я вездѣ замѣняю букву «ѣ» буквой «и».

Если бы всѣ угорскіе русскіе говорили на языкѣ приведенной нами пѣсни, то они, безъ сомнѣнія, скоро создали бы свой литературный языкъ, который послужилъ бы органомъ ихъ духовной жизни. Но обиліе говоровъ служило сильной помѣхой къ выработкѣ литературнаго языка; оно благопріятствовало распространенію латинскаго, нѣмецкаго и мадьярскаго языковъ среди угорско-русской интеллигенціи и повело къ отчужденію послѣдней отъ народа. Попытка учителей мункачевской богословской школы создать угорско-русскій литературный языкъ скоро заглохла. Въ открытой въ Унгварѣ, куда перенесено было мѣстопребываніе уніатскаго епископа, духовной семинаріи, на первыхъ порахъ преподаваніе велось еще на славяно-русскомъ языкѣ, составлявшемъ смѣсь мѣстнаго русскаго и церковно-славянскаго языковъ; *но въ послѣдніе годы жизни епископа Андрея Бачинскаго, умершаго въ 1809 г., преподавательскимъ языкомъ въ семинаріи сталъ исключительно латинскій.* Кухонная латынь вытѣснила національные языки не только въ оффиціальныхъ сферахъ Венгріи, она стала вторгаться даже въ частную жизнь. Русское уніатское духовенство олатинилось до того, что уже епископъ Бачинскій сталъ напоминать ему о родномъ языкѣ. Въ одномъ пастырскомъ посланіи отъ 1806 года епископъ указываетъ духовенству на судьбу, постигшую моравскій и чешскій народъ, «иже отъ святыхъ отцовъ Кирилла и Меѳодія пріемше свѣтъ восточнаго благочестія, въ началѣ быша славяно-русскаго языка, письма и набоженства, послѣ же со за лишеніемъ его всячески перемѣнился».— «Но что на тѣхъ народахъ зриши (продолжаетъ епископъ), внемли и бодрствуй угро-россійская діэцезіе, да не и тебѣ тое случится съ залишеніемъ отеческаго и матернаго

языка своего и письма». *) Въ другомъ посланіи говорится: «Не только въ потупленіе, но паче въ самое умаленіе день отъ дня приходутъ рущизна и наше русское набоженство». **)

Въ епископѣ Бачинскомъ обнаружился дуализмъ: съ одной стороны, онъ выказалъ высокій подъемъ русскихъ патріотическихъ чувствъ, скорбя объ упадкѣ знанія русскаго языка и поощряя духовенство къ изученію его, а съ другой— не отстоялъ правъ русскаго языка въ унгварской духовной семинаріи. Семинаристы, которые стали изучать всѣ предметы, исключая пастырскаго богословія, на латинскомъ языкѣ, до того олатинились, что только съ большимъ трудомъ въ состояніи были читать славянскія богослужебныя книги, когда дѣлались священниками, и руководителями ихъ въ этомъ отношеніи стали дьячки, не оторванные еще отъ родной почвы. Дьячки по прежнему большей частью приходили изъ сосѣдней Галиціи и были связующимъ звеномъ между Угорской Русью и остальнымъ южно-русскихъ міромъ. Во всякомъ случаѣ, однако, епископъ Бачинскій имѣлъ немалое вліяніе на пробужденіе національнаго духа въ Угорской Руси: онъ былъ весьма образованный человѣкъ и оставилъ библіотеку, состоявшую изъ 9000 томовъ. Изъ частной переписки Бачинскаго видно, что онъ былъ большимъ поклонникомъ Ломоносова, котораго въ одномъ письмѣ называетъ «патріархомъ русскаго языка». Такимъ образомъ, возрожденіе русской литературы при Ломоносовѣ встрѣтило живой откликъ и у угор-

*) Которые, принявши свѣтъ восточнаго благочестія отъ святыхъ отцовъ Кирилла и Меѳодія, въ началѣ держались славяно-русскаго языка, письма и вѣроисповѣданія; впослѣдствіи же, пренебрегши имъ, всячески измѣнились. Прими во вниманіе то, что у этихъ народовъ наблюдаешь, и бодрствуй угро-россійскаго епархія, дабы и съ тобою не случилось то же самое, если оставишь родной языкъ и письмена. (См. Жизнеописаніе Андрея Ѳедоровича Бачинскаго въ унгварскомъ мѣсяцесловѣ за 1864 г.).

**) Русскій языкъ и русское вѣроисповѣданіе не только со дня на день все болѣе презираются, но ихъ значеніе также умаляется.

скихъ русскихъ: тяготѣніе къ общерусскому литературному движенію обнаружилось у нихъ съ самаго зарожденія національной жизни въ Угорской Руси. Это тяготѣніе высказалось и переселеніемъ, въ началѣ этого столѣтія, нѣсколькихъ молодыхъ угро-россовъ въ Россію, въ числѣ которыхъ былъ даровитый Юрій Венелинъ и Балудьянскій, сотрудникъ графа Сперанскаго.

Сподвижникомъ епископа Бачинскаго былъ монахъ *Базиловичъ*, напечатавшій на латинскомъ языкѣ трудъ «Brevis notitia fundationis Koriatovits» (краткая записка объ учрежденіи Коріятовича), имѣвшій большое вліяніе на пробужденіе національной жизни въ Угорской Руси. Трудъ Базиловича представляетъ первый опытъ по угорско-русской исторіографіи. Хотя онъ изданъ на латинскомъ языкѣ, но проникнутъ любовью къ угорско-русскому народу, заброшенному въ Венгрію, какъ вѣтка, оторванная отъ дерева. Книга Базиловича впервые пробудила патріотическія чувства у угро-россовъ; она стала могучимъ орудіемъ въ борьбѣ съ мадьярами, которые смотрѣли на угорскихъ русскихъ, какъ на паріевъ, и самое названіе «руснакъ», столь же древнее, какъ «русинъ» (оно часто встрѣчается въ болгарскихъ и сербскихъ пѣсняхъ), производятъ отъ мадьярскаго слова «rusnya» (грязный).

На смѣну Базиловича явился священникъ *Лучкай*, дѣятельность котораго оставила по себѣ крупные слѣды. Лучкай выдавался образованностью среди своихъ современниковъ; онъ побывалъ даже заграницей, что въ это время считалось рѣдкостью въ Угорской Руси. Лучкая вызвалъ въ Италію герцогъ Лукканскій (графъ Де-Виллафранка), который, добиваясь греческой короны, ввелъ въ своей домовой церкви богослуженіе по греко-восточному обряду. Заграницей умственный кругозоръ Лучкая значительно расширился. Раз-

витію національнаго самосознанія въ немъ содѣйствовали и тогдашнія политическія событія: національное движеніе грековъ, румынъ и сербовъ.

Въ 1830 г. Лучкай напечаталъ первую угорско-русскую грамматику на латинскомъ языкѣ подъ заглавіемъ «*Grammatica Slavo-Ruthena*» (славяно-русская грамматика). Въ предисловіи къ этой грамматикѣ проведены панславистическіе взгляды, которые положили отпечатокъ на послѣдующее литературное движеніе угорскихъ русскихъ. «Какимъ колоссомъ», говорится тамъ, «сдѣлался бы старо-славянскій языкъ, еслибы онъ остался литературнымъ. Французскій, италіанскій, а особенно германскій литературные языки не сходны съ народными языками, а между тѣмъ никому и въ умъ не приходитъ предпочитать просто-народныя формы и выраженія—литературнымъ. Одни славяне ревностно заботились и заботятся о томъ, чтобы литературный языкъ сблизить съ народнымъ, полагая, что такимъ образомъ легче можно будетъ изучить и усвоить его». Самъ Лучкай не примѣнилъ на практикѣ высказанныхъ имъ взглядовъ, такъ какъ онъ написалъ именно грамматику мѣстнаго нарѣчія; но его profession de foi легло основаніемъ литературнаго движенія угорскихъ-русскихъ. Послѣ грамматики Лучкая не была издана ни одна грамматика мѣстнаго нарѣчія; грамматики, изданныя Духновичемъ, Раковскимъ и Сабовымъ, суть грамматики литературнаго русскаго языка.

Другой капитальный трудъ Лучкая, «Historia Carpato-ruthenorum in Hungaria» (Исторія карпато-россовъ въ Венгріи) остался въ рукописи.

III.

1848-й годъ составилъ эпоху для Угорской Руси. *Упраздненіе крѣпостнаго права и пребываніе россійскихъ войскъ*

въ Венгріи вызвали новую жизнь среди угорскихъ русскихъ. Съ тѣхъ поръ національное движеніе стало захватывать болѣе широкіе круги. Центромъ литературнаго движенія сдѣлался священникъ *Александръ Духновичъ*, первый національный писатель Угорской Руси.

Духновичъ родился въ 1803 году въ селѣ Тополѣ, и умеръ въ 60-хъ годахъ каноникомъ пряшевской епархіи. Въ автобіографіи своей онъ разсказываетъ, что предокъ его выходецъ изъ Москвы, откуда онъ, во время бунта стрѣльцевъ при Петрѣ Великомъ, бѣжалъ въ Угорскую Русь, гдѣ сдѣлался сперва дьячкомъ, а впослѣдствіи священникомъ, принявъ фамилію Духновича *). Трудно сказать, какая доля правды въ этомъ разсказѣ, но вѣрно то, что самъ Духновичъ былъ увѣренъ въ истинности его и что это обстоятельство положило отпечатокъ на его дѣятельность, проникнутую глубокой симпатіей къ Россіи. Фактъ также, что Угорская Русь не рѣдко служила убѣжищемъ для выходцевъ не только изъ Малой, но также изъ Великой Руси. **) Послѣднимъ изъ такихъ выходцевъ изъ Великой Руси былъ нѣкій Матезонскій, поселившійся въ 50-хъ годахъ въ Унгварѣ, гдѣ его епископъ Поповичъ пріютилъ, поручивъ ему управленіе церковнымъ хоромъ. Матезонскій ввелъ при унгварскомъ каѳедральномъ соборѣ хоровое пѣніе Львова и Бортнянскаго; изъ Унгвара оно распространилось по другимъ городамъ Угорской Руси.

Литературная дѣятельность Духновича была самая разнообразная: онъ былъ поэтомъ, драматургомъ, историкомъ и педагогомъ. Свою дѣятельность Духновичъ характе-

---

*) См. Унгварскій мѣсяцесловъ за 1866 г.

**) Въ метрической книгѣ села Свидники, въ пряшевской епархіи, мы встрѣтили фамиліи Москаль и Рязанцевъ. Мѣстный приходской священникъ Павловичъ объяснилъ намъ, что это потомки бѣглецовъ изъ Великой Руси.

ризуетъ слѣдующимъ образомъ въ запискахъ, сохраняющихся до сихъ поръ въ рукописи: «По окончаніи несчастнаго мятежа, поднятаго Кошутомъ, угорскіе русины, воодушевленные россійскими войсками, стали думать по народному и слабыми силами развивать литературу. И я, воодушевившись, побуждалъ русскую молодежь къ дѣлу. Я издалъ для простого народа дѣльце подъ заглавіемъ «Книжица для начинающихъ». Оно было четыре раза издаваемо и принесло большую пользу народу. Кромѣ того, я издалъ русскій молитвенникъ, альманахъ, календарь и т. д. Я радовался, что наши забитые русины ожили духовно; я трудился день и ночь, боролся съ препятствіями и устроилъ литературное общество, издавшее много книгъ для начальнаго образованія. Я могу съ радостью сказать, что русины пряшевской епархіи воодушевились національной идеей, и молодежь стала дѣйствовать въ народномъ духѣ. Дѣвицы уже не стыдились пѣть русскія пѣсни, и мой народный гимнъ «Я русинъ былъ, есть и буду» повсюду распѣвался. Даже евреи стали учиться по-русски. Въ пряшевской гимназіи я преподавалъ русскій языкъ, и мои уроки посѣщали не только русины, но и словаки и мадьяры». *)

Записки Духновича—драгоцѣнный матеріалъ для современной исторіи Угорской Руси. Приведемъ еще одну выдержку, рисующую періодъ отъ 1861 по 1867 годъ, который можно назвать золотымъ для движенія угорскихъ русскихъ. Считаемъ, однако, не лишнимъ предпослать слѣдующее. Послѣ неудачнаго исхода войнъ съ Италіей и Франціей въ 1859 г., австрійское правительство даровало Венгріи конституцію, но мадьяры потребовали широкой автономіи съ отвѣтственнымъ венгерскимъ министерствомъ. Императоръ Францъ-Іосифъ сразу

*) Мы приводимъ выдержку въ подлинникѣ.

не соглашался на это, пріостановилъ дѣйствіе конституціи и ввелъ въ Венгріи такъ называемый «Provisorium», т. е. временное положеніе. Тогда гордая мадьярская шляхта отказалась служить, а потому австрійскому правительству пришлось обратиться къ забитымъ народностямъ, въ числѣ которыхъ угорскіе русскіе занимали самое униженное положеніе. Эту-то эпоху Духновичъ описываетъ слѣдующими красками: «Свѣтаетъ день! Благосклонное солнышко показывается и на угорско-русскомъ небосклонѣ. Надменная мадьярская шляхта задумала было, послѣ объявленія конституціи, забрать въ свои руки всѣ должностныя мѣста, не обращая никакого вниманія на способности чиновниковъ. Законами 1848 года была установлена равноправность для всѣхъ, но мадьярскіе «немеши» (дворяне) допустили русиновъ только къ занятію писарскихъ мѣстъ, и то всего 3—4 человѣка, отказавшихся отъ своей народности и, въ добавокъ, клеветавшихъ на нее. И вотъ, произошла чудесная перемѣна! Мадьяръ даже вообразить не могъ, чтобы возможно было недворянину сдѣлаться «солгабиро» (окружнымъ судьей), а нынѣ однимъ почеркомъ пера прекращена монополія должностныхъ мѣстъ. Въ шаришской «столицѣ» (губерніи) «главнымъ жупаномъ» (губернаторомъ) назначенъ г. Иванъ Главачъ, словакъ и сынъ крестьянина; въ той же »столицѣ» различныя судейскія и административныя мѣста заняло 14 русиновъ. Главными же жупанами назначены въ унгварской «столицѣ» русинъ Негребецкій, а его помощникомъ—также русинъ Ляховичъ; въ мармарошской «столицѣ» русинъ Долинай, а его помощникомъ—Корнилій Добрянскій, братъ Адольфа Добрянскаго».

Но этотъ золотой періодъ не долго продолжался: мадьяры скоро все забрали въ свои руки. Духновичъ, однако,

не дожилъ до того времени: онъ умеръ съ надеждой на лучшее будущее угорскихъ русскихъ.

Ни одинъ изъ литераторовъ Угорской Руси не пользовался такой популярностью, какъ Духновичъ, дѣятельность котораго обхватывала всѣ отрасли литературы. Онъ далъ народу первый букварь, начинающійся золотыми словами:

Мамко, мамко, купъ ми книжку,
Тинту, папиръ и паличку,
Бо я пиду до школы,
Учититися поволи *)

Отъ него народъ получилъ первый молитвенникъ «Хлѣбъ души»; онъ же написалъ для него географію подъ заглавіемъ «Короткая землепись». Для интеллигенціи имъ издана: «Сокращенная грамматика русскаго языка», «Народная Педагогія», календари, альманахи и т. д. Другой народной поэтъ, Александръ Павловичъ, характеризуетъ дѣятельность Духновича слѣдующимъ стишкомъ:

Отъ Попрада ажъ до Тисы,
Подъ Бескидомъ горы, лѣсы
Духновича поминаютъ,
Ему здравія желаютъ.

Большая часть стихотвореній Духновича написана на мѣстномъ русскомъ нарѣчіи; въ сочиненіяхъ для интеллигенціи онъ, однако, употреблялъ литературный русскій языкъ, которымъ владѣлъ порядочно. Духновичъ не былъ заурядныімъ риѳмоплетомъ; нѣкоторыя изъ его стихотвореній согрѣты

---

*) Матушка, купи мнѣ книжку, чернило, бумагу и указку: я пойду въ школу, чтобы учиться по немногу.

поэтическимъ огонькомъ и проникнуты патріотизмомъ. Его стихотвореніе:

«Я русинъ былъ, есмь и буду,
Я родился русиномъ,
Честный мой родъ не забуду,
Останусь его сыномъ»,

положено на музыку и сдѣлалось народнымъ гимномъ угорскихъ русскихъ.

Приведу еще лебединую пѣсню поэта:

Ой дитята, соколята,
Змагайтеся на крылята!
Бо я уже соколъ старый,
Ужъ мни крыла поломаты.

А я свершилъ мою жизнь,
Днесь пою послидню писнь,
Писнь послиднюю для васъ милыхъ,
Соколиковъ сизокрылыхъ!

На Бескиди, въ родномъ краю,
Въ томъ исконно русскомъ краю,
Де свитъ узрилъ, тамъ лежати,
Хочу вично спочивати.

Схороните мя въ дубрави,
При скалахъ, въ густой темрави,
Сами здоровы спивайте,
А на батька памятайте. *)

---

*) Ой, дѣтушки-соколики, расправляйте ваши крылья! Я же уже соколъ старый, крылья мои изломаны. Я ужъ кончилъ жизненный путь; нынѣ послѣднюю пѣсню пою, пѣсню послѣднюю для васъ милыхъ, соколиковъ сизокрылыхъ. На Бескидѣ, въ родномъ краю, въ томъ исконно русскомъ краю, гдѣ впервые свѣтъ увидѣлъ, тамъ вѣчно хочу лежать. Похороните меня въ дубравѣ, въ густой чащѣ, при склахъ; сами бодро пѣсни пойте и про батька вспоминайте!

Стихотворенія Духновича разбросаны по угорско и галицко-русскимъ изданіямъ; не мало весьма цѣнныхъ матеріаловъ заключается въ рукописныхъ запискахъ поэта, хранящихся при краснобрадскомъ монастырѣ, которымъ Духновичъ завѣщалъ свою библіотеку, и при пряшевскомъ русскомъ «Питомникѣ». То обстоятельство, что до сихъ поръ не изданы труды главнѣйшаго угорско-русскаго писателя, служитъ самымъ краснорѣчивымъ доказательствомъ слабости литературнаго движенія въ Угорской Руси.

Ближе всего, по своей дѣятельности, къ Духновичу стоитъ *Александръ Павловичъ*, пользующійся большой популярностью въ Угорской Руси, какъ поэтъ и собиратель народныхъ пѣсенъ и историческихъ преданій; по даровитости онъ однако уступаетъ Духновичу.

Къ самымъ удачнымъ произведеніямъ Павловича принадлежитъ его поэма «*Дьячокъ*», написанная на нарѣчіи «лемковъ». Вотъ отрывокъ изъ этой поэмы:

Ахъ спивамъ я, спивамъ, пока горло ставатъ,
Каждый мій спивъ слухатъ, никто ничъ не даватъ
Достъ я ся наспивалъ, тридцать рокивъ дьячу,
Теперь, кедъ заспивамъ, то доразъ заплачу!
Ужъ слабы виштки тила мого уды,
Тяжко ми приходятъ господарски труды.
Волосы ужъ сивы, поморщено чело,
Не могу я ужъ днесь спивати весело.

(Охъ, пою я, пою, пока горла стаетъ; каждый мое пѣніе слушаетъ, но никто ничего не даетъ. Довольно я ужъ пѣлъ, тридцать лѣтъ уже состою дьячкомъ; нынѣ, какъ только запою, то тотчасъ заплачу. Слабы уже мои члены, тяжелы для меня хозяйскіе труды, волосы уже сѣды, не могу я пѣть уже весело).

Стихотворенія Павловича проникнуты любовью къ славянамъ. Въ одномъ поется:

Славянски роды, дѣти свободы,
Цѣлому міру свободы желаютъ,
Но горды люде, жестоки роды
Общей свободы духъ убиваютъ.
О люде, братья, міра народы,
Отворите храмъ общей свободы!

Къ кружку, группировавшемуся около Духновича, принадлежатъ также *Андрей Балудьянскій* и *Стефанъ Мустяновичъ.* Андрей Балудьянскій написалъ «*Церковную Исторію*», въ которой прослѣдилъ также судьбу русской церкви въ Австріи. Это солидное сочиненіе было издано сперва на латинскомъ, затѣмъ на мадьярскомъ и, наконецъ, на славяно-русскомъ языкѣ «изъ любве къ народности», какъ говорится въ предисловіи, въ которомъ заключается также слѣдующее мѣсто: «Не утаиваю, что въ теченіи цѣлаго сего сочиненія многажды простыхъ выраженій попользовахся, но сіе никто менѣ въ зло вмѣнити не можетъ, найпаче въ началѣ развиванія народнаго нашего языка въ угорщинѣ. Но не только нынѣ, но и всегда (ведля св. Августина), лучше есть егда высмѣютъ насъ граматицы, нежели не поразумѣютъ народы». *)

Стефанъ Мустяновичъ издалъ «*Надгробныя святыя проповѣди на всякіи случаи и приключенности смерти*». До изданія этой книги, угорско-русское духовенство пользовалось латинскими, нѣмецкими, мадьярскими и словацкими сборниками проповѣдей, послѣдствіемъ чего было то, что въ проповѣдяхъ, произносимыхъ на мѣстномъ русскомъ языкѣ, не-

*) Не скрою, что во всемъ этомъ сочиненіи я часто употреблялъ простыя выраженія, но этого никто не можетъ поставить мнѣ въ укоръ, особенно въ началѣ развитія нашего народнаго языка въ Венгріи. Не только нынѣ, однако, но и всегда (какъ говоритъ св. Августинъ) лучше, чтобы надъ нами посмѣялись грамматики, нежели, чтобы насъ не поняли народы.

вольно употреблялось много латинизмовъ, мадьяризмовъ, германизмовъ, которые усваивались также народомъ.

Подъ вліяніемъ кружка Духновича, сформировалась угорско-русская интеллигенція. На укрѣпленіе національныхъ чувствъ послѣдней вліялъ также трудъ нѣмца *Бидермана «Die Ungarischen Ruthenen»*. Бидерманъ, состоя профессоромъ юридическаго лицея въ Кошицахъ (Kaschau), въ городѣ, находящемся на рубежѣ Угорской Руси, заинтересовался угорскими русскими. Пользуясь архивами верхней Венгріи, онъ написалъ солидный историческій трудъ, богатый матеріалами по географіи, этнографіи и исторіи угорскихъ русскихъ. Изъ книги Бидермана угорскіе русскіе еще ближе ознакомились со своимъ историческимъ прошлымъ, и движеніе приняло даже оттѣнокъ политическаго характера.

IV.

На пробужденіе національной жизни въ Угорской Руси не мало вліяла Галицкая Русь: галицко-русскія изданія *«Вѣстникъ»*, *«Галицкая Зоря»*, *«Слово»* и др. были первыми будильниками національнаго самосознанія у угорскихъ русскихъ. Характерно въ этомъ отношеніи то обстоятельство, что въ Угорской Руси привилось только то, что носило всеславянскій, а затѣмъ общерусскій характеръ; украинофильство не только не нашло отголоска за Карпатами, но, напротивъ, было встрѣчено враждебно, какъ мы увидимъ впослѣдствіи. Сперва была сдѣлана попытка выработать искуственный славяно-русскій литературный языкъ: Лучкай, Балудьянскій были сторонниками такого языка. Но скоро эта попытка оказалась несостоятельной: ее оставилъ безъ вниманія болѣе даровитый Духновичъ, взявшійся за обработку мѣстнаго русскаго языка уже не при помощи старославянскаго, а общерусскаго литературнаго языка. Знакомство съ произведеніями русской литературы, живое обще-

ніе съ образованными русскими офицерами, побывавшими въ Угорской Руси во время похода 1848 года, проповѣдь русскихъ славяножиловъ, имѣли своимъ послѣдствіемъ то, что и попытка разработать мѣстный русскій языкъ при помощи общерусскаго была брошена, *и угорско-русскіе литераторы стали употреблять общерусскій языкъ.*

Въ началѣ 50-хъ годовъ священникъ *Раковскій* началъ издавать «Церковную Газету», при помощи В. М. Войтковскаго, священника при надгробной церкви Великой Княгини Александры Павловны въ Иромѣ, на литературномъ русскомъ языкѣ, и далъ этимъ сильный толчокъ общерусскому движенію среди угорскихъ русскихъ. Большое вліяніе въ этомъ отношеніи на ходъ движенія имѣлъ *Адольфъ Ивановичъ Добрянскій*, первый крупный дѣятель среди угорскихъ русскихъ, вышедшій изъ свѣтской интеллигенціи. Добрянскій привелъ въ строгую систему тѣ мысли, которыя еще неясно и неопредѣленно бродили въ головахъ угорско-русскихъ патріотовъ: онъ выработалъ политическую и литературную программу. Что касается языка, то Добрянскій поставилъ вопросъ ребромъ: отрицая raison d'être мѣстнаго литературнаго языка, онъ проводилъ мысль, что угорскимъ русскимъ слѣдуетъ усвоить общерусскій литературный языкъ, который самъ порядочно изучилъ, состоя коммиссаромъ отъ австрійскаго правительства при русскихъ войскахъ во время венгерской кампаніи 1848 года, а также въ домахъ русскихъ священниковъ Раевскаго и Войтковскаго въ Вѣнѣ и Буда-Пештѣ. Благодаря своему недюжинному уму, образованію, служебному положенію и несокрушимой энергіи, Добрянскій получилъ неотразимое вліяніе на молодежь, которая почти всецѣло стала подъ его знамя. Занимая видный служебный постъ въ Угорской Руси, Добрянскій, при назначе-

ніи на должности, требовалъ также знанія русскаго языка, и этимъ сильно поднялъ престижъ національно-литературнаго движенія. Послѣднее получило такую окраску, какъ буд-тобы ему покровительствуютъ свыше. Въ Вѣнѣ, въ самомъ дѣлѣ, послѣ подавленія венгерской революціи, милостиво отнеслись къ угорскимъ русскимъ, и нѣкоторые угро-россы уже мечтали объ образованіи русскаго воеводства въ Венгріи. Но послѣ крымской войны австрійское правительство перемѣнило свою тактику: оно заподозрило Добрянскаго въ руссофильствѣ и удалило его изъ Угорской Руси *), давъ ему, однако, высшее назначеніе, такъ что онъ въ глазахъ воспитанной имъ угорско-русской интеллигенціи не потерялъ вѣса и значенія и продолжалъ оставаться ея руководителемъ.

Въ политической борьбѣ, возникшей между Австріей и Венгріей послѣ пораженія австрійцевъ при Сольферино и Садовой (въ 1859 и 1866 годахъ), Добрянскій снова выдвинулся: онъ принялъ сторону австрійцевъ, т. е. пошелъ по тому пути, по которому шли епископы Тарасовичъ, Ольшавскій, Бачинскій во время борьбы австрійскихъ императоровъ съ мадьярскими протестантами. Добрянскаго назначили начальникомъ департамента при венгерской канцеляріи (въ родѣ министерства) въ Вѣнѣ и, благодаря его вліянію, многіе угорскіе русскіе получили губернаторскія мѣста и другія вліятельныя должности. Дѣла угорскихъ русскихъ пошли очень успѣшно. Въ унгварской гимназіи, кромѣ закона Божія и русскаго языка, стали преподавать на русскомъ языкѣ также географію и исторію, и можно было ожидать, что со временемъ будутъ открыты параллельные классы съ русскимъ преподавательскимъ языкомъ. Одно вре-

*) Въ то же самое время Духновичъ былъ подвергнутъ полицейскому надзору.

мя, когда борьба между Вѣной и Пештомъ сильно обострилась, была даже надежда, что австрійское правительство, для ослабленія мадьяръ, рѣшится на федеративное переустройство Венгріи. Добрянскій, будучи избранъ депутатомъ въ пештскій сеймъ, произнесъ горячую рѣчь, въ которой доказывалъ, что у угорскихъ русскихъ прежде была широкая автономія, что они управлялись своими «воеводами» и «князьями», и предложилъ федеративное устройство Венгріи съ образованіемъ кантоновъ: мадьярскаго, нѣмецкаго, словацкаго, румынскаго, сербскаго и русскаго. Онъ даже угрожалъ мадьярамъ, сказавъ между прочимъ: «если русское населеніе Венгріи и впредь будетъ стѣсняемо въ своихъ законныхъ правахъ, если оно будетъ оставлено въ подчиненіи мадьярамъ, вводящимъ мадьярскій языкъ въ управленіе и назначающимъ исключительно мадьярскихъ чиновниковъ, то едва ли можно будетъ ручаться за спокойствіе этого населенія». Добрянскій закончилъ свою рѣчь тѣмъ, что, если всѣ средства для самозащиты русской народности въ Венгріи будутъ исчерпаны, то угорскіе русскіе принуждены будутъ покинуть свою родину и искать себѣ новаго отечества. Мадьярскіе депутаты съ протестами и шиканьемъ встрѣтили рѣчь Добрянскаго, котораго они и безъ того ненавидѣли за его противодѣйствіе венгерской революціи; но она произвела обаятельное вліяніе на угорско-русскую интеллигенцію, впервые услыхавшую такое смѣлое и рѣшительное слово съ парламентской трибуны въ защиту забитаго и всѣми презираемаго угорско-русскаго народа.

Подъ вліяніемъ политическаго возбужденія 60 годовъ, сильно ожививилось и литературное движеніе. Во второй половинѣ 60-хъ годовъ въ Унгварѣ возникло литературное общество св. Василія, около котораго сгрупировались всѣ лучшія интеллектуальныя

силы Угорской Руси. Общество стало издавать еженедѣльный органъ «*Свѣтъ*», въ которомъ приняли участіе ***Добрянскій, Раковскій, Павловичъ, Митракъ, Кралицкій, Сильвай, Дулишковичъ, А. Поповичъ***; далѣе ***Кимакъ, Сабовъ и Игнатковъ*** (послѣдніе въ качествѣ редакторовъ) и др. Въ основаніе программы газеты были положены тѣ началы, которыя проповѣдывалъ Добрянскій. Сотрудники ея старались писать на литературномъ русскомъ языкѣ и проводили славянофильскія идеи. «Наша Угорская Русь», писалъ священникъ Раковскій, одинъ изъ выдающихся дѣятелей «Свѣта» (я привожу подлинныя слова, какъ образчикъ русскаго языка угорско-русскихъ литераторовъ), «никогда ни на минуту не колебалась заявить свое сочувствіе къ литературному соединенію съ прочею Русью. У насъ, такъ сказать, никогда и вопроса не было по части образованія какого-нибудь отдѣльнаго литературнаго языка. Всѣ наши писатели, съ самаго начала вступленія на поприще распространенія народнаго просвѣщенія, руководились одной мыслью, имѣющею цѣлью—литературное объединеніе. Сія мысль столь овладѣла нашими писателями, что они, можно сказать, были постоянными подвижниками великой идеи о всеславянскомъ литературномъ соединеніи, получившей въ настоящее время торжественное освященіе въ славянскомъ мірѣ. («Свѣтъ» № 43 за 1868 г.)

Въ «Свѣтѣ» развернули свои силы молодые литераторы, воспитанные на началахъ, проповѣдуемыхъ Добрянскимъ. Такъ какъ читающая публика въ Угорской Руси состоитъ, главнымъ образомъ, изъ духовныхъ, то «Свѣтъ» много мѣста удѣлялъ церковнымъ вопросамъ; но статьи эти могли заинтересовать не одно только духовное сословіе: въ нихъ затрагивались и принципіозные вопросы. Газета, между прочимъ, выдвинула вопросъ объ автономіи угорско-русской церкви,

изъ за котораго она пришла въ столкновеніе съ епископомъ Панковичемъ. Что касается литературной части, то нѣкоторые сотрудники «Свѣта» обнаружили положительный талантъ. Такъ, Материнъ (псевдонимъ Митрака) напечаталъ нѣсколько стихотвореній, въ которыхъ теплится поэтическій огонекъ.

Въ стишкѣ «На Верховинѣ» поэтъ обращается къ роднымъ горамъ:

Горы, наши горы,
Наши бѣдны горы!
На васъ я печально
Устремляю взоры.
Что за дивна сила
Васъ тутъ наметала,
Лучъ тепленькій солнца
И землю украла!
Таите ли въ нѣдрахъ золотую долю,
Иль-готовите намъ вѣчную недолю? («Свѣтъ» №12 за 1867 г.)

Въ другомъ стихотвореніи, въ которомъ сквозятъ мотивы южно-русскихъ пѣсенъ, выражено истинное печалованье о горькой судьбѣ угорскихъ русскихъ.

Хмарно, темно,
Ворона кряче,
Мое сердце за народъ плаче:
За народъ темный,
Бидный, бездольный.

Ци ты, сонце,
На насъ не свитишь?
Слободо, ты
Панамъ лишь служишь?
Або тебе такъ дуже мало,
Что наше племя тя-й и не знало!

Не зналъ тя нашъ народъ,
Не буде и знати,
Коль свитломъ умъ свой
Не буде взаряти.
Бо слободу силовъ
Треба добывати;
А кто іи смиренно,
По жебрацки проситъ,—
Тому она никда
Добри не послужитъ. *)

Въ третьемъ стихотвореніи заключается ѣдкая насмѣшка надъ мѣстными сытыми народолюбцами.

Мы убоги, мало насъ,
Велика въ насъ старость,
Наши диты босо ходять
Про нашу недбалость.

Говорять намъ наши люде:
«Языкъ свой любите
И народны права ваши
Никому не дайте!»

Добри имъ такъ говорити,
При сытости полной,
И писати «статеечки»
О жизни народной.

---

*) Туманъ и тьма, воронъ каркаетъ, мое сердце о народѣ плачетъ; о народѣ темномъ, бѣдномъ, бездольномъ. Или ты, солнце, для насъ не свѣтишь? Или ты, свобода, лишь панамъ служишь? Или тебя слишкомъ мало, что племя наше тебя и не извѣдало? Не извѣдалъ тебя нашъ народъ и не извѣдаетъ, пока свѣтомъ знаній свой умъ не просвѣтитъ. Свободы силой надо добиваться, а кто ее смиренно, по нищенски проситъ, тому она въ прокъ никогда не пойдетъ. «Свѣтъ» № 12—1869 г.

Мы же бидны сговоримся:
Народность продайме,
Панство наше высокое
И насъ въ ласку прійме.

Отцы наши также смутно
И въ тисноти жили,
Переминовъ старой виры
Колачъ пріобрили.

Намъ же, своимъ наслидникамъ
Народность лишили,
За ту добру тямку свою
Бодай спочивали *)

Прекрасны также «Путетыя впечатлѣнія на Верховинѣ» Митрака **)

---

*) Мы бѣдны и мало насъ, много у насъ заботъ; вслѣдствіе нашего нерадѣнія, наши дѣти босые ходятъ. Наши люди говорятъ намъ: «языкъ свой любите и народныхъ правъ вашихъ никому не уступайте!» Хорошо имъ такъ толковать при сытости полной и статейки писать о жизни народной. Мы же бѣдные сговоримся: продадимъ народность, авось высокое панство и намъ окажетъ милость. Отцамъ нашимъ также горько и тѣсно жилось,—переменной старой вѣры (православія) они пріобрѣли куличъ. Намъ же, своимъ наслѣдникамъ, они оставили народность, за эту добрую память пускай почиваютъ («Свѣтъ» № 12 за 1869 г.).

**) Приведу слѣдующій отрывокъ, живо рисующій сѣверо-восточную часть Угорской Руси: «Верховиной обыкновенно называются тѣ гористыя части ужанскаго, бережанскаго и мармарошскаго комитатовъ, которыя, своимъ холоднымъ климатомъ, убогой сплошно-гористой землей, особымъ говоромъ и одеждой, отличаются отъ прочихъ гористыхъ мѣстностей Угорской Руси. И въ самомъ дѣлѣ, Верховина отдѣльный, особый край: тамъ уже не созрѣваетъ кукуруза, только овесъ да овесъ повсюду; хижины изъ сосноваго дерева небѣлены, крестьяне завязываютъ свои рубахи не спереди, а сзади,—однимъ словомъ, повсюду отличительныя черты на лицѣ человѣка и природы».

«Дорога отъ Поляны черезъ гору «Роздиля», за которою и начинается Верховина, довольно скучна: съ одной стороны—горы, покрытыя буковымъ лѣсомъ, съ другой—на глубинѣ горный потокъ, а тамъ опять горы съ

Мы удѣлили Митраку сравнительно много мѣста, такъ какъ онъ самый даровитый и политическій изъ дѣятелей литературнаго кружка, группировавшагося около общества св. Василія.

лѣсомъ, въ который не проникаетъ солнечный лучь. Этой-то дорогой шли мадьяры въ IX столѣтіи. Какъ передаетъ лѣтописецъ, Безъименный Нотаріусъ короля Белы, русскіе галичане прокладывали путь мадьярамъ. Эту же дорогу угорскіе русскіе, по приказанію мадьяръ, должны были заградить засѣками, чтобы воспрепятствовать движенію русскихъ войскъ въ 1848 году. По усмиреніи возстанія, они же очистили путь для удобнаго прохода побѣдоносныхъ войскъ, возвращавшихся въ Россію. Страдательная роль! Въ потокѣ еще и теперь догниваютъ срубленныя деревья, которыя должны были служить оплотомъ мадьяръ противъ сѣвернаго колосса».

«Скучное однообразіе дороги прекратилось выше Пудполозья, и глазамъ моимъ представился видъ, совершенно новый для меня: горы, вмѣсто угрюмаго лѣса, покрыты были свѣжей зеленью травы, овса и другихъ посѣвовъ. День уже клонился къ вечеру. когда мы въѣхали въ верховинское мѣстечко Верецки, переполненное торговымъ еврейскимъ людомъ. На другой день утромъ я осмотрѣлъ окрестности. День былъ ясенъ, воздухъ свѣжій, и я съ восторгомъ любовался съ горы «Мончель» прекраснымъ видомъ: то тамъ, то сямъ возвышались обнаженныя отъ лѣса «полонины», [1]) какъ исполины, господствующія надъ остальными горами. На возвратномъ пути намъ попадались мармарошскіе алмазы, красивые кристаллы, похожіе на настоящіе алмазы. Мы пытались объяснить способъ ихъ образованія, но напрасно. Видя нашу неудачу, я обратился за объясненіемъ къ поэзіи: не окаменѣлыя ли это слезы нашего народа, столько вѣковъ настрадавшагося и наплакавшагося такъ много? Изъ Верецекъ я поѣхалъ въ близкое село Быстрое, чтобы отправиться на полонину, на которой я такъ давно желалъ быть. По дорогѣ я вступилъ въ разговоръ съ двумя мальчиками, которые, окончивъ свою работу (они кололи камень для исправленія дороги) возвращались домой. Одному было лѣтъ 12, а другому лѣтъ 10. Не смотря на ихъ дѣтскіе годы, житейская нужда, жизнь, полная бѣдствій, развила ихъ быстро, и они разговаривали, какъ взрослые. На мой вопросъ, какъ поживаютъ, они отвѣтили печально: «Тисно, паночку, нема хлиба!»—«Какъ же вы живете, откуда достаете хлѣбъ?»—«Жиды намъ помогаютъ, они даютъ намъ хлибъ» Вотъ единственные благодѣтели на Верховинѣ! И что за благодѣтели! Отъ ихъ благодѣяній народъ вездѣ бѣднѣетъ, а они умножаются и богатѣютъ. Чудный ты народъ русскій! Поэзіи, бѣдной, печальной, въ тебѣ много, но житейской мудрости, заботы о завтрашнемъ днѣ мало. («Свѣтъ» №№ 13, 14, 15, 16 за 1867 г.»).

---

[1] Полонины — альпійскіе луга.

Недюжинный талантъ обнаружилъ также ***Сильвай***, одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ сотрудниковъ «Свѣта» Его ***«Крайцаровая комедія»*** (копѣечная комедія), въ которой зло осмѣивался мадьярофильскій епископъ Панковичъ и его единомышленники, чрезвычайно смѣлый и удачный политическій памфлетъ. Менѣе удачны стихотворенія Сильвая, пытавшагося излагать свои поэтическія думы на общерусскомъ языкѣ, которымъ онъ, однако, не вполнѣ владѣетъ. Кромѣ Митрака и отчасти Павловича, примыкавшаго также къ литературному кружку «Свѣта», всѣ писатели употребляли или, по крайней мѣрѣ, старались употреблять общерусскій языкъ даже въ стихотвореніяхъ. Большинство такихъ стихотвореній, разумѣется, не выдерживаетъ критики; я приведу на выдержку:

«Какъ мило было веснушки
Привѣтствовать красный часъ;
Слышать ласточки, зозули,
Сердцу столь пріемный гласъ!»

Но въ «Свѣтѣ» помѣщено нѣсколько стихотвореній, показывающихъ, что авторы ихъ съумѣли овладѣть русскимъ языкомъ, хотя, конечно, они вполнѣ не могли отрѣшиться отъ особенностей мѣстнаго языка *)

---

*) Приведу стихотвореніе Боржавскаго «Къ идеалу»:

Ты вѣрна, скромна, непорочна,
Въ даревнѣ родившись на свѣтъ,
Ни свѣта моднаго лукавства,
Кокетокъ мастерскій привѣтъ,
Ни ходы рѣчи таинственны.
Ни свой таить улыбкой жаль,
Пролить ни слезы принужденны,
Ни лицемѣрно лгать печаль —
Ты не училась,—но твой геній
Въ колыбели уже осѣнилъ
Тебя красой и наслажденій
Роемъ невинныхъ тебя наполнилъ. («Свѣтъ» № 8 за 1867).

Чрезвычайно трудолюбивымъ сотрудникомъ «Свѣта» былъ самоучка іеромонахъ *Кралицкій*, обнародовавшій много памятниковъ, относящихся къ угорско-русской исторіи, и написавшій дѣльную статью «*Дѣло (угорско) русскаго мужика зимой*». Какъ на дѣятельныхъ сотрудниковъ «Свѣта», мы укажемъ еще на Раковскаго, ведшаго критическій обзоръ и, такъ сказать, задававшаго тонъ газетѣ; далѣе на мѣстнаго историка Дулишковича, автора историческаго труда «Историческія черты угро-русскихъ».

Въ «Свѣтѣ» много перепечатывалось изъ Тургенева, Пушкина и другихъ русскихъ писателей. Въ какой слабой степени у читающей публики было развито критическое чутье, показываетъ слѣдующій забавный казусъ. Въ «Свѣтѣ» *) была напечатана эпиграмма Пушкина «Пріятелямъ», подписанная инициалами А. П. Въ одномъ изъ слѣдующихъ нумеровъ газеты было помѣщено слѣдующее заявленіе отъ редакціи: «Нѣкоторые господа на Маковицѣ сочли сочинителемъ этой эпиграммы нашего поэта Александра Павловича, ревностнаго труженника на полѣ народнаго просвѣщенія. Усматривая въ эпиграммѣ насмѣшку надъ собою, они отнеслись, какъ намъ пишутъ, къ Александру Павловичу непріязненно и даже нагло. Поэтому, для успокоенія обиженныхъ упомянутой эпиграммой, мы объявляемъ, что авторъ ея не Александръ Павловичъ, а—Александръ Пушкинъ».

Вообще же «Свѣтъ» чрезвычайно симпатично относился къ Россіи, проводя взглядъ—lux ex oriente. Для характеристики направленій газеты въ этомъ отношеніи мы приведемъ отрывокъ изъ статьи «*Общественная жизнь въ Россіи*»: «Кастовой надменности (говорится въ статьѣ), которая пріютилась на западѣ, между русскими не существуетъ. На ино-

*) № 7 за 1870.

странца отрадно дѣйствуетъ то явленіе, что самыя древнія боярскія фамиліи обращаются съ учеными по-дружески и какъ съ равноправными; также относятся купцы-милліонеры къ простымъ лавочникамъ, военные и гражданскіе сановники — къ студентамъ. Похвальной чертой русской общественной жизни бываетъ и то, что въ Россіи не спрашиваютъ про имя и фамилію и про то, какое кто общественное положеніе занимаетъ. Всего болѣе цѣнятся у значительнаго большинства русскихъ — честность, любезность, умъ, знаніе и прямодушіе, а не деньги, чины и тому подобное, о чемъ русскій народъ и знать ничего не хочетъ». *)

Для полной характеристики литературнаго кружка «Свѣта» и общества св. Василія, мы должны еще коснуться его отношеній къ народу. Въ этомъ отношеніи можно констатировать тотъ прискорбной фактъ, что литературный кружокъ «Свѣта» и общество св. Василія, въ которомъ сосредоточивалась умственная жизнь Угорской Руси, имѣли, главнымъ образомъ, въ виду интересы интеллигенціи, о забитомъ и неграмотномъ крестьянствѣ же мало заботились. Въ то время, какъ въ сосѣдней Галиціи возникли общества «имени Качковскаго» и «Просвѣта», издавшія тысячи популярныхъ книжекъ для народа, въ Угорской Руси не только ничего, кромѣ учебныхъ книгъ, не было издано для народа, но даже не было сдѣлано попытокъ въ этомъ отношеніи. И самое изданіе учебныхъ книгъ для народныхъ школъ пошло по ложному пути. За составленіе ихъ не взялись такіе писатели, какъ Митракъ, Павловичъ, Кралицкій, А. Поповичъ авторъ сборника молитвъ, названнаго «памятникомъ церковному языку, спасшему русскую народность отъ погибели», а люди, не вла-

---

*) «Свѣтъ» № 21 за 1868 г.

дѣвшіе вполнѣ ни общерусскимъ, ни народнымъ языкомъ, и лишенные при томъ творческаго таланта. Учебники для народныхъ школъ были изданы якобы на общерусскомъ языкѣ, о которомъ даетъ понятіе краткая характеристика учебника «Русская книга для чтенія на часть втораго класса народныхъ школъ». Уже въ самомъ заглавіи встрѣчается выраженіе «на часть», не свойственное ни угро-русскому, ни обще русскому языкамъ. Приведемъ на выдержку слѣдующій виршъ, сочиненный якобы на общерусскомъ языкѣ.

Въ теплотѣ горячей, въ жарѣ солнца, знoѣ
Утомленный путникъ ѣхаетъ поволѣ,
Къ дереву подходитъ, это проситъ нѣжно:
«Ахъ, поди, почей-ка,—здѣсь холодно, свѣжо.»

Къ учебнику приложено «изъясненіе». нѣкоторыхъ общерусскихъ словъ, не понятныхъ для народа. Это «изъясненіе» въ высшей степени курьезно: въ немъ, напр., слово «виноградъ» пояснено угорско-русскимъ словомъ «виница», озна чающимъ собственно—«виноградникъ. Въ немъ же встрѣчается много словъ, совершенно произвольно и безграмотно сфабрикованныхъ, какъ напр, «утущаетъ жажду» вмѣсто «утоляетъ жажду», «обѣдити» (пояснено: бѣду дѣлать) и т. д.

Понятно, что подобнаго рода учебники не могли принести пользы народу, который по прежному оставался безграмотенъ и безучастенъ къ дѣятельности своей немногочисленной интеллигенціи. Въ такомъ отношеніи къ народу и заключалась капитальная ошибка дѣятелей общества св. Василія, которая впослѣдствіи имѣла весьма печальные результаты для духовнаго движенія угорскихъ русскихъ.

V.

Почти всѣ угорско-русскіе литераторы въ матеріальномъ отношеніи мало обезпечены, притомъ они находятся на

службѣ, а потому въ зависимости отъ правительства. Пока свыше покровительствовали или, по крайней мѣрѣ, не препятствовали литературному движенію угорскихъ русскихъ, оно подвигалось впередъ. Такъ это было послѣ 1848 года и послѣ пораженія при Сольферино и Садовой, когда австрійское правительство пожелало опереться на немадьярскія національности. Послѣ крымской кампаніи, правительство, изъ за своихъ отношеній къ Россіи, лишило благосклонности угорскихъ русскихъ, вслѣдствіе чего литературное движеніе у послѣднихъ сразу пріостановилось. Такое же явленіе случилось и въ концѣ 60-хъ годовъ. По мѣрѣ того, какъ усиливалась власть мадьяръ, непріязненно относящихся къ движенію другихъ національностей, населяющихъ Венгрію, стало ослабѣвать и литературное движеніе угорскихъ русскихъ. Мадьярское правительство дѣйствовало энергичнѣе, чѣмъ австрійское; оно назначило епископомъ мункачевской епархіи преданное ему лицо—*Стефана Панковича*, который поставилъ себѣ задачей задержать дальнѣйшее развитіе національной жизни угорскихъ русскихъ. Такъ какъ центромъ ея были общество св. Василія и газета «Свѣтъ», то удары мадьярофильскаго епископа прежде всего были направлены противъ нихъ. Борьба однако, оказалась не такъ легкой для епископа: за послѣднюю четверть вѣка національное движеніе угорскихъ русскихъ пустило слишкомъ глубокіе корни. Только путемъ цѣлаго ряда крутыхъ мѣръ удалось подавить движеніе. Епископъ Панковичъ сперва старался привлечь на свою сторону вожаковъ угорскихъ русскихъ разными посулами, въ числѣ которыхъ первую роль играла карьера. Но, къ чести угорскихъ русскихъ, надо сказать, что ни одинъ изъ выдающихся дѣятелей не сталъ подъ его знамя, и искушенію поддались только нѣсколько второстепенныхъ дѣ-

ятелей (Даниловичъ, Гебей и др.), которыхъ епископъ осыпалъ милостями. Убѣдившись, что этимъ путемъ не будетъ достигнута цѣль, Панковичъ прибѣгъ къ репрессаліямъ. Редакторы «Свѣта», гг. *Игнатковъ*, *Сабовъ и Кимакъ*, состоявшіе преподавателями унгварской гимназіи, были переведены. Когда «Свѣтъ», тѣмъ не менѣе, продолжалъ свое существованіе, епископъ окружнымъ посланіемъ отъ 21 декабря 1870 года запретилъ священникамъ выписывать его. Газета, между прочимъ, обвинялась въ томъ, что она употребляетъ языкъ, котораго русскій народъ, живущій въ Венгріи, не понимаетъ. Вопросъ о томъ, какой языкъ употреблять и какого правописанія держаться, никогда не обострялся въ Угорской Руси и не производилъ раздоровъ среди интеллигенціи, какъ это случилось въ Галицкой Руси, гдѣ въ употребленіи 4 литературныхъ языка: малорусскій съ фонетическимъ правописаніемъ, малорусскій съ этимологическимъ правописаніемъ, общерусскій и смѣсь общерусскаго съ малорусскимъ. Правда, онъ затрагивался нѣсколько разъ и въ Угорской Руси, но, такъ сказать, только академическимъ образомъ. Еще въ 1868 году въ «Свѣтѣ» (№ 1) былъ напечатанъ «отвертый листъ» (открытое письмо), въ которомъ газета упрекалась въ томъ, что она издается на языкѣ, непонятномъ для народа; что читающая публика не имѣетъ даже словаря, при помощи котораго она могла бы понимать этотъ языкъ, и что поэтому желательно было бы, чтобы «Свѣтъ» издавался на родномъ языкѣ и чтобы имѣлись въ виду не только образованные классы, но также и народъ. Въ отвѣтѣ редакціи на «отвертый листъ» говорилось, между прочимъ, слѣдующее: «Когда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, одинъ изъ нашихъ писателей спросилъ покойнаго Духновича, на какомъ языкѣ издавать календарь,

великій мужъ отвѣтилъ ему: «Пиши правильно; это будетъ понятно и для народа, и для интеллигенціи, а дураку все равно!» «Образованіе (говоритъ дальше газета) состоитъ въ томъ, чтобы дать человѣку новыя понятія, для выраженія которыхъ, само собою разумѣется, требуются новыя слова. А откуда брать послѣднія писателю, когда онъ ихъ не находитъ въ народѣ? Онъ долженъ бы сочинять ихъ, но въ такомъ случаѣ они также остались бы непонятными народу; между тѣмъ, въ словарѣ общерусскаго языка можно найти слова чисто русскія, изреченія, усвоенныя всѣми образованными русскими».

Послѣ прекращенія «Свѣта», общество св. Василія стало издавать «Новый Свѣтъ», сдѣлавшійся органомъ епископа Панковича. Свой profession de foi новая газета высказала въ слѣдующихъ словахъ: «Общество св. Василія основано для нашего подкарпатскаго народа, а не для братіи нашей въ Москвѣ, Кіевѣ и Петербургѣ. Намъ слѣдуетъ имѣть въ виду не европейское образованіе (оставимъ это мечтаніе тѣмъ, у которыхъ есть сила и деньги), мы же низойдемъ къ нашимъ ежедневнымъ потребностямъ—къ элементарнымъ требованіямъ нашего народа. А требуетъ ли послѣдній, начиная съ интеллигенціи и кончая послѣднимъ селяниномъ въ Бурустурѣ и и Каменкѣ, литературы по стилю «Биржевыхъ Вѣдомостей»? Народъ не требуетъ отъ общества св. Василія высокой политики; ему нужны только книжки для обученія, написанныя на понятномъ ему языкѣ. Онъ требуетъ азбуки, а не диссертацій на тему объ окончаніи глаголовъ въ неопредѣленномъ наклоненіи на «ть» или на «ти».

Но дѣятели «Новаго Свѣта» (Гебей, Даниловичъ, Негребецкій, Гомичковъ) и не думали серьезно отнестись къ выполненію задачи, изложенной въ приведенно программѣ

«Новый Свѣтъ» издавался на такомъ же языкѣ, какъ и «Свѣтъ», только съ примѣсью большей безграмотности; содержаніе же его было совершенно пусто. Что касается общества св. Василія, то оно почти прекратило свои функціи послѣ того, какъ епископъ Панковичъ помѣшалъ выбору г. Добрянскаго въ предсѣдатели общества.

Бывшій редакторъ «Свѣта» В. Ф. Кимакъ короткое время сталъ издавать сатирическій листокъ «Сову», заживо задѣвавшій мадьярофильскаго епископа и его партію. По настоянію Панковича, единственная въ Унгварѣ типографія Іегера отказалась печатать «Сову», послѣ чего послѣдняя, просуществовавъ еще нѣкоторое время въ Буда-Пештѣ, прекратила свое существованіе.

Послѣ прекращенія «Свѣта» и «Совы» и разгрома общества св. Василія, свѣточъ духовной жизни въ Угорской Руси почти совершенно погасъ. Въ 1872 г. прекратилъ свое существованіе и «Новый Свѣтъ»; его мѣсто занялъ «Карпатъ», еженедѣльная газетка съ громкимъ заголовкомъ: «общественная, соціальная, церковная, науковая, литературная и экономическая газета, органъ епархіальнаго правительства и общества св. Василія». «Карпатъ» проповѣдывалъ тѣсный союзъ между мадьярами и угорскими русскими; въ немъ печатались также статьи на мадьярскомъ языкѣ. Не смотря на открытое мадьярофильство, редакторъ «Карпата» Гомичковъ нѣкоторыми ультра-патріотическими мадьярскими изданіями обвинялся въ москалефильствѣ и въ измѣнѣ мадьярамъ. Число подписчиковъ газетки было самое ограниченное *)

---

*) Въ № 7 за 1879 г. «Карпатъ» говоритъ: «Насъ около 500,000 человѣкъ, между тѣмъ общество св. Василія не имѣетъ больше 40 членовъ, а число подписчиковъ нашей единственной газеты «Карпатъ» не достигаетъ и 100».

«Карпатъ» старался оправдать свое опортунистское направленіе бѣдностью угорско русскаго народа. «Скудность денежная препятствуетъ духовныя силы и свободность пишущаго пера», неоднократно заявляла отъ себя редакція на своемъ своеобразномъ языкѣ. Но оппортунизмъ «Карпата» прекратившагося въ 1886 году за смертью редактора Гомичкова, не повелъ къ цѣли: во все время своего 13 лѣтняго существованія газета не принесла никакой пользы и не оставила по себѣ никакихъ слѣдовъ. Со времени утвержденія господства мадьяръ, была сдѣлана попытка отклонить движеніе отъ общерусскаго направленія, которому въ сущности сочувствовали даже «Новый Свѣтъ» и «Карпатъ», непріязненно относившіеся къ стремленію галицкихъ украинофиловъ перенести свое ученье въ Угорскую Русь. Въ концѣ 60-хъ годовъ венгерское министерство народнаго просвѣщенія стало издавать «*Газету для народныхъ учителей*» на всѣхъ языкахъ, употребляемыхъ въ Венгріи, въ томъ числѣ и на угорско-русскомъ языкѣ. Газета разсылалась безплатно. Она сперва издавалась приблизительно на литературномъ русскомъ языкѣ, пока ея редакторами-переводчиками состояли угорскіе русскіе, Феерчакъ, Бурикъ и Петеръ. Когда же венгерское правительство узнало, что на глазахъ его и на его же средства издается газета на «московскомъ» языкѣ, оно поручило переводъ основного мадьярскаго текста профессору славянскихъ языковъ въ пештскомъ университетѣ Ференцу, хорвату по происхожденію, съ тѣмъ, чтобы газета издавалась на мѣстномъ угорско-русскомъ языкѣ. Г. Ференцъ, не будучи знакомъ съ мѣстнымъ языкомъ, сталъ издавать газету на украинскомъ языкѣ, который онъ впрочемъ зналъ только по произведеніямъ Котляревскаго, Квитки и галицко-русскихъ литераторовъ. Въ высшей степени характерно то обсто-

ятельство, что венгерское правительство не нашло лица, которое взялось бы за изданіе газеты на мѣстномъ русскомъ языкѣ. «Газета для народныхъ учителей», подъ редакціей Ференца, хотя и разсылалась безплатно, не имѣла успѣха: многіе народные учителя ее отсылали обратно. Вскорѣ, въ началѣ 70-хъ годовъ, она была прекращена. *)

Представителемъ народничества среди угорскихъ русскихъ явился Владиславъ Чопей въ концѣ 70-хъ годовъ. Онъ издалъ словарь мѣстнаго русскаго и мадьярскаго языковъ, удостоенный преміей венгерской академіей наукъ; ему же венгерское правительство поручило изданіе учебниковъ на мѣстномъ русскомъ языкѣ для народныхъ школъ. Чопей уроженецъ омадьяренной окраины Угорской Руси, а потому его языкъ испещренъ мадьяризмами, неизвѣстными въ другихъ частяхъ Угорской Руси. У него нѣтъ послѣдователей, и онъ самъ пишетъ исключительно въ мадьярскихъ изданіяхъ, въ которыхъ проводитъ такіе же политическіе взгляды, какъ «Карпатъ», т. е. полнѣйшее подчиненіе угорскихъ русскихъ мадьярамъ, и кромѣ того высказываетъ свое сочувствіе къ украинофильству. Чопея нельзя на одну доску поставить съ представителями украинофильства въ Галиціи, какъ Барвинскій, Франко и др.; онъ скорѣе напоминаетъ тѣхъ галичанъ, которые называютъ себя gente Rutheni, natione Poloni.

Начиная съ 70-хъ годовъ, кромѣ «Новаго Свѣта», «Карпата» и «Угро-русскаго Листка» и ежегодныхъ тощихъ календарей, въ Угорской Руси были изданы всего два капитальныхъ труда, не считая словаря Чопея, а именно *«Историческія черты угро-русскихъ»*, сочиненіе священника Дулишковича, и русско-мадьярскій словарь, изданный Алек-

* См. «Движеніе народной жизни въ Угорской Руси. Москва. «Бесѣда» VI и VII. 1971 г.

сандромъ Митракомъ. Трудъ Дулишковича драгоцѣнный вкладъ въ угорско-русскую историческую литературу: онъ дополняетъ собою историческіе труды Базиловича и Бидермана. Въ общерусско-мадьярскомъ словарѣ также давно чувствовалась потребность, такъ какъ только при помощи его русскія литературныя произведенія могутъ стать понятными для угорско-русской интеллигенціи, получающей образованіе на мадьярскомъ языкѣ. Къ сожалѣнію, со времени утвержденія гегемоніи мадьяръ, посылка русскихъ книгъ славянскими благотворительными обществами въ Угорскую Русь прекратилась. Благодаря упадку національно-литературнаго движенія, мадьяризація дѣлаетъ быстрые успѣхи среди угорско-русской интеллигенціи, состоящей преимущественно изъ поповичей; мадьяризація касается, главнымъ образомъ, окраинъ Угорской Руси. Но ядро угорско-русскаго народа остается нетронутымъ, и, какъ только солнышко согрѣетъ Карпатскія горы, національное движеніе среди угорскихъ русскихъ снова оживится. Въ концѣ 1886 г. въ Угорской Руси снова сталъ выходить органъ порядочнаго направленія, «Угро-русскій Листокъ», издаваемый угорско-русскимъ литераторомъ священникомъ Фенцикомъ. Появленіе «Угро-русскаго Листка» доказываетъ, что національная жизнь въ Угорской Руси не заглохла еще совершенно; но она не окрѣпнетъ до тѣхъ поръ, пока угорско-русскіе дѣятели не позаботятся о просвѣщеніи народа путемъ популярныхъ изданій, какъ это дѣлаютъ ихъ братья галичане.

